

Пролог

От пальцев пахло кровью. Этот запах был приятен и неприятен одновременно, как и ощущение липкой жижи, что уже начала подсыхать, схватывая кожу черною пленкой.

Человек поднес руку к лицу и лизнул. Зажмурился, прислушиваясь к слегка солоноватому металлическому привкусу, оставшемуся на языке. И вздохнул.

Не то. Совсем не то.

На какое-то время и этого хватит, конечно, да и выбора особо нет.

Раздражение накатило и было таким острым, что он вцепился себе в руку, сдерживая крик. Так и сидел мину-ту, может, две, пока не отпустило.

Надо вставать. Надо что-то делать. Думать.

Человек не собирался просто так сдаваться.

Он сжал кулак, силой воли унимая дрожь в пальцах. Вот так. Справится. Обязательно. Поднялся, медленно, превозмогая легкую судорогу, что прошла по телу. Несколько мгновений постоял, контролируя дыхание, — глубокий вдох и долгий медленный выдох. И снова. Пока в голове не прояснится. На негнущихся ногах подошел к дереву и вытер измазанные кровью ладони о ствол.

Пальцы пробежались по зарубкам, и он хмыкнул.

Человек помнил каждую из них. Не именами, нет. Вот эта, самая первая, почти уже стерлась. Тогда человек был слаб, впрочем, как и его добыча. Вторая и третья — не лучше. Это даже охотой назвать нельзя, так... Случай, везение.

Тогда повезло ему. И потом снова и снова, пока везение не сменилось мастерством. Он становился сильнее. Раз за разом, раз за...

Пальцы впились в длинную глубокую полосу. Она начиналась раньше остальных, да и сама была длиннее, а в конце нож и вовсе соскользнул.

Ничего.

Он снова заставил себя дышать правильно. Справится. Надо лишь найти правильную добычу.

Где?

Нынешняя висела, подцепленная на крюк, ее человек уже выпотрошил. Кишки отнес в яму, чуть прикрыв ветками и клочьями мха. Лисам и хорькам он не помеха, но и пускай. Настоящий хищник на требуху не позарится. А печень человек вытащил и бережно завернул в свежие листья лопуха. Надо бы поспешить, еще пара часов — и пользы в ней не останется.

Нож лег в руку, и человек занялся привычным делом.

Разделку он никогда-то не любил, но умел. Правда, сейчас его мысли занимало иное. Нынешняя добыча была молода, сильна, но не настолько, чтобы этой силы хватило. Легче ведь не стало. Почему?

Пальцы вдруг соскользнули с рукояти, и нож, вывернувшись из них, полетел во мхи.

— Чтоб тебя! — выругался человек.

Мох успел пропитаться кровью, значит, мелкий сор налипнет и на клинок, и на рукоять, и на пальцы.

Грязь.

Очередной приступ ярости накрыл с головой, и человек, не в силах справиться, застыл, чувствуя, как сводит болью мышцы, как делаются они деревянными, как трещат кости, готовые меняться, но...

Из горла вырвался хрип. Он сменился стоном, а стон — воем. Лес содрогнулся, услышав этот отчаянный зов и плач. С шумом взлетела сорока, со старого дуба сорвалась пара медных листьев.

Сколько все продолжалось, человек не знал.

Боль отступила, а тело не вернулось. Человек пытался шевельнуться, но снова не смог. И приступ все длился, длился. Он казался бесконечно долгим, хотя наверняка прошла пара мгновений, прежде чем чувствительность начала возвращаться.

Покальванием. Судорожным подергиванием лицевых мышц. Бесспорно, гримасы были ужасны, но... главное, тело возвращалось. Когда-нибудь — человек знал это совершенно точно — он так и останется заперт внутри его.

Если не найдет лекарство.

Вдох. Выдох.

И наклон. Такой медленный, потому как воздух кажется плотным, и даже не воздух это — вода. Но человек дотянулся до ножа. Вытащил, вытер о штанину. Посмотрел.

На нож. На тело на крюке. На вереницы муравьев, проложивших дорожки по бурым пятнам крови. Они копошились, подбирая крохи его добычи, доказывая, что прав он.

Кровь — это жизнь.

Он поднес нож к губам и слизал. Кровь. Муравья, прилипшего к ней. Мусор. Кровь — это жизнь, основа основ.

И в голове снова зазвучал тихий голос учителя: «Помни, волк жив, пока может идти по следу».

Он может. Пока.

И будет мочь дальше. Он сумеет... Справится. Потому что выбора нет. А значит... Единственное, что хорошо в приступах, — мысли после них становятся донельзя ясными.

«Сила... — шепот учителя порождал дрожь. Если закрыть глаза, он снова увидит руку, темную, с отросшими ногтями, под которые забились грязь, с царапинами и оспинами, с кровью, что стекает меж пальцев. И куском мяса, что лежит в ней. — Сила твоего врага перейдет тебе».

И вкус этот он до сих пор помнит. Впрочем, как и иной...

Человек повернулся к дереву. Пальцами нашел лестницу из зарубок, вновь задержавшись на первой, самой слабой, потом поднялся чуть выше. Смахнул лишайник, расчищая место. Учитель заслуживал памяти. Пусть и такой.

Острые клинка пробило кору. Чуть надавить — и в сторону.

Вот так.

Сила... Ему нужна сила. И не та, которую человек искал. Он оскалился.

— Я понял, учитель, — сказал он тому, кто вряд ли его слышал, все же человек давно не верил в сказки о вечной жизни. Но иногда ему нужно было поговорить с кем-то. С кем-то таким, как он сам. — Теперь я все правильно понял.

Повернувшись к жертве, поморщился.

Мяса много, это да. Нынешний больше остальных. И крепче. И здоров был. Гордился что силой, что здоровьем, только... на самом деле он был слабым.

Нужна иная сила. Совсем иная.

И человек задумался, почти позабыв об остывшей печени. И о том, что запах крови привлечет не только муравьев и мух, которые уже роились над телом. В ветвях наверняка прятались вороны, осторожные хитрые птицы дождутся, когда человек уйдет. Он всегда оставлял им мясо.

И не только...

Человек отчаянно перебирал тех, кто мог бы дать ему силу. И понимал, что их нет. Что все-то, кого он видел когда-либо, не годятся. Слабые.

Люди в принципе слабые. А потому задача усложняется. Человек прислонился лбом к дереву, успокаиваясь. Не хватало еще третий подряд приступ поймать.

Если рядом нет никого подходящего, то...

Взгляд снова уперся в тело.

Нужно пригласить.

Губы сами растянулись в улыбке — он точно знал, как отправить приглашение, чтобы на него откликнулись.

Глава 1. Охотники

«Придет серенький волчок и ухватит за бочок...»

Добрая детская колыбельная

Человек, сидевший напротив Бекшеева, не выглядел опасным. Напротив, был он невысок, пухловат и всем обликом своим вызывал лишь недоумение. Как возможно, чтобы этот растерянный потеющий мужичок совершил нечто подобное?

Вот и Одинцов хмурится.

— Уверены? — ему неловко спрашивать.

Я хмыкаю.

— Послушай.

Комната, отделенная стеклом, кажется глухой. Но стоит активировать артефакт, и раздается тихий извиняющийся голос:

— ...вы же понимаете, что они сами виноваты! Сами.

— Конечно. — Вот чего у Бекшеева не отнять, так это выдержки.

Я бы этому поганцу давно шею свернула. И потому держу руки за спиной, пусть даже отделяет меня от уroda стекло.

Но стекло тонкое.

— Вот... И я не виноват! Не виноват, так получалось... — Он отчаянно потеет, этот человек, и спешит вытереть пот платком, который мнет в пальчиках. Платок в них смотрится куда как органичнее чулка. — В конце концов, я ведь приносил пользу обществу! — Он хватается за спасительную мысль. — Истреблял разврат! Какой пример они подавали?

— Ужасный, — снова соглашается Бекшеев.

А потом будет жаловаться, что ему тошно. И что голова опять болит. У меня же появится желание взять его за эту самую болящую голову и постучать по столу, чтобы у нее и правда появился повод болеть. Глядишь, до хозяина головы и дошло бы, что не во всякую грязь соваться стоит. Хотя...

Нет, не постучу.

Просто заварю тех травок, что прислала Отуля, вернее, ныне уже княжна Аделаида Михайловна Сапожникова. И заставлю выпить.

А он выпьет. И будет после этого разговора настолько уставшим, что даже на горечь не пожалуется.

Да уж.

— ...она на меня посмотрела. Понимаете? Никто никогда не смотрел на меня так. Мама моя, она была правильной женщиной...

— Очень властной, — сказала я тихо, хотя там нас не могли слышать. — Соседи говорят, с нею было невозможно ужиться. Она всех стремилась подчинить.

Одинцов молчит, и по лицу его сложно понять, о чем думает.

— Женщина не должна так смотреть на мужчин! Она меня завлекала! А потом стала смеяться. Выговаривать... всякое. Непотребное. Я и разозлился.

Настолько, что задушил.

Нина Первязина, девятнадцать лет. Круглая сирота. Работала на ткацком комбинате, при котором ей выделили комнатку в общежитии. Девушка веселая, скромностью и вправду не отличавшаяся. Любительница ночных прогулок, дружеских посиделок и вина.

Бутылку нашли рядом с телом.

— Очень разозлился...

— Вас можно понять, — у Бекшеева получилось сказать это с участием. Еще немного, и сама поверю, что он сочувствует. А вот господин Петров, мещанин сорока семи

лет от роду, и вправду поверил. Закивал часто, аж все подбородки затряслись. — Такой солидный серьезный мужчина. Любая приличная девушка была бы рада...

— Как он это выдерживает? — Одинцов отвернулся от стекла.

— С трудом. Но...

Заменить Бекшеева некем.

То есть попытаться могу я. Но не получится. Не вот так, чтобы добровольно и искренне, чтобы под запись, которая ни у одного суда не оставит сомнений, что признание именно добровольное.

— Ты обещал найти кого, — напоминаю, раз уж их сиятельство соизволили заглянуть в нашу нору.

— Я ищу.

— Долго.

— А ты думаешь, это так просто? — Он потер голову.

— Еще скажи, что нас закрыть хотят.

— Хотят, — не стал спорить Одинцов.

— Но...

— Не закроют. Их императорское величество видят, насколько полезен такой отдел. Вы остановили семерых.

Восьмерых, если считать Лютика. Но считать не выйдет, потому что Лютика как бы не было. Никогда. И женщин пропавших. И всего остального. Был мелкий локальный конфликт с незаконной добычей альбита. А все остальное — государственная тайна.

Ибо если не тайна, то слишком многое придется объяснить.

Пухлый человечек в шерстяном костюме, шитом на заказ, продолжал говорить. О которой рассказывает? О третьей? Или четвертой? Или о той, о ком мы не знаем? Хотя вряд ли. Этот тела прятать не удосуживался, оставлял прямо там, где и убивал.

— Извини, я помню, что обещал людей. И желающих попасть в ваш отдел хватает.

— Так в чем дело?

— В том, что почти половина — чьи-то ставленники, которые попытаются перехватить власть. И вреда от них будет больше, чем пользы.

— А вторая?

— Еще часть хотят карьеру сделать, значит, легко пойдут под чью-либо руку, если уже не пошли. Да и карьера —

это продвижение. Если умны, будут двигать вас. Если не особо — тоже. Есть те, кто ищет надбавок, званий, известности. Есть... много кого есть. Подходящих нет.

— Или кто-то слишком переборчив, — ворчу для порядка.

— А сама-то? — Одинцов открыл дверь и отступил, пропуская меня. — Со сколькими ты работала? И многих позвала?

Я вздохнула, потому что прав он.

Желающих хватало. И тех, кто полагал, что мы тут, в особом отделе, дурью маемся. Работу себе придумываем, тем самым мешая остальным делать то, что они всегда делали. Были те, кто пытался притвориться друзьями, лез настойчиво с этой выдуманной дружбой, настырно. И те, кто глядел искоса и огрызался. Те, кто шептался за спиной, обсуждая... да чего только не обсуждая, благо поводов хватало. Бывший муж и нынешний любовник, который, может, любовником не был, но кто ж тому поверит-то? И я, вся такая... роковая некрасавица.

На хрен.

Вот и вышло, что здание нам выделили приличное, да так и осталось оно почти пустым. Марьяна Степановна, вдова почтенных лет и строгого воспитания, взялась следить за документами и порядком, да пара человек подвизались на жандармских должностях. Я с ними так и не нашла общего языка, они меня опасались.

Бекшеева жалели и, кажется, презирали за слабость и тросточку, которую он в Петербурге вовсе не оставлял. Девочки боялись как огня, а Софьи, когда изволила она нанести визит, и того больше. Кто-то пустил слух, что она смерть то ли предсказывает, то ли приваживает.

— Ты чего приехал-то? — поинтересовалась я, потому как пусть и был господин Петров человеком мерзейшим, но не настолько, чтобы признанием своим отвлечь Одинцова от дел текущих.

Марьяна Степановна, встретившая Одинцова хмурым взглядом — почему-то она его крепко недолюбливала, — поинтересовалась:

— Чайник ставить?

— Через полчаса, — сказала я. — Допрос еще потянет-ся. И за обедом кого пошлите.

Величественный кивок.

И можно не сомневаться — будет и чайник, и обед, который в Бекшеева придется запикивать силой. Он всегда после допросов голодать начинает, а ему нельзя.

— Мне кажется, она меня недолюбливает, — заметил Одинцов, прикрыв за собой дверь.

— Не кажется. Она тебя в самом деле недолюбливает. Кабинет мне тоже выделили.

Большой такой, с окном огромным, правда, решеткою забранным. С лепниной на потолке и зеркалом, что обрелось в кабинете с незапамятных времен, а потому убрать его рука не поднималась. Хотя... ненавижу зеркала.

Девочка, тихо дремавшая у стены, подняла голову, делая вид, что только сейчас Одинцова увидела. Притворщица.

Шевельнулся хвост, и псина мило оскалилась, приветствуя начальство. В глазах мелькнула надежда, и Одинцов не обманул. Вытащил из кармана кусок сахара и посмотрел на меня, разрешения испрашивая.

— Разбалуеть ты ее... — Кивнула, разрешение давая.

Девочка поднялась и, цокая когтями, подошла. Угощение брала аккуратно, а взяв, зажмурилась. Силы в сахарок Одинцов не пожалел. Потрепав мою красавицу по загривку, сказал:

— Кстати, ты не передумала?

— Нет.

Глупый вопрос. Дежурный. Он задает. Я отвечаю. Часть ритуала, позволяющая не то чтобы отношения восстановить — я не настолько глупа, чтобы надеяться, что все будет как прежде, в счастливые военные времена, — скорее уж так мы можем делать вид, что эти отношения почти нормальны.

Обыкновенны. Как у людей.

Почему-то в большом городе очень важно, чтобы все-то было «как у людей». Даже если сами мы не совсем люди.

— Если передумаешь, то за такую... такого зверя заплатят прилично.

— Знаю.

Не в деньгах дело. Денег у меня как раз хватает. И не только их. Одинцов вон и дом прикупил, пусть небольшой, но рядом с управлением. И обстановкой озаботился. И машиной. Дай волю, он вовсе мою жизнь устроит. Сообразно своему о ней пониманию.

Поэтому волю я не давала. Но от дома не отказалась, тем паче Софке он понравился.

Но... не в деньгах дело. А в том, что слишком много сил это забирает. Да и получается... то, что вышло однажды, не факт, что получится вновь. И зверь может не выжить. И я. А если и выживет, то как его, своей душой примученного, кому-то отдать?

Да и страшно. Звери своевольны, и не всякий с ними справится. Тут до беды даже не полшага, куда меньше. Так что... нет.

— Тут дело такое... — Одинцов себе стул подвинул, а Девочка плюхнулась у него в ногах. Она за прошедшие полгода вытянулась еще больше и теперь при желании могла развалиться от стены до стены. Что и делала, особенно когда Велесов заглядывал. Он ее как-то особенно боялся, а она чуяла. — Новости две. Будет вам пополнение... Тихоня, надеюсь, устроит?

Я почувствовала, как губы растягиваются в улыбке. Тихоня, конечно, писал. Да только писатель из него, как и из меня, еще тот.

— Значит, допустили?

Операцию ему еще зимой сделали. И вроде как удачно. В том смысле, что прогнозы были хорошие. Но не настолько, чтобы на службу вернуться. Писал ведь, что уходит, мол, на заслуженную пенсию и все такое. Злился очень. Стало быть...

— Пришлось поговорить кое с кем. — Одинцов вздохнул. — Конечно, ограничения выставили, но в целом... будет секретарем.

Тихоня? Секретарем?

Я засмеялась. Громко. Пожалуй, даже слишком.

— Личным. Бекшеева, — уточнил Одинцов. — Заодно и приглядит, чтобы тот шею раньше времени не свернул. — И поморщился, буркнув: — Когда уже наиграется.

А я ответ знала:

— Никогда.

Тем более Одинцов сам все прекрасно понял. Дело ведь не в том, что заменить Бекшеева некому. Хотя и вправду некому, аналитики подобного уровня — редкость редкостная. И к Бекшееву, сообразив, что он восстанавливается, приходили с интересным предложением. Даже не с одним.

Только он от всех предложений отказался.

— Вот именно... — Одинцов наклонился, потрепал Девочку по загривку, и та счастливо зажмурилась. Он ей нравился. Впрочем, как и Бекшеев. — Ладно, не суть... Тихоня прибудет сегодня. И оформят его. А завтра выезжаете.

— Куда?

До того выезд у нас был один, да и тот в Подмосковье, где все решилось довольно просто и быстро, ибо оказалось, что далеко не все больные уроды столь же хитры, как Лютик.

— Считай, на твою родину. Не совсем, но рядом... Северо-Западный край. — Одинцов повернулся к стене и проворчал: — Повесь уже карту, что ли.

— У Бекшеева есть. Погоди, сейчас закончит, тогда и расскажешь.

— Времени нет, — Одинцов бросил взгляд на часы. — Мне к трем в министерство.

— Мог бы позвонить. Послать кого...

— Вот... — Он вытащил из внутреннего кармана снимок, подвинул ко мне. — Качество не особо, но понять в целом можно.

А то.

На снимке была голова. Человеческая. Мужская. Явно не слишком свежая, хотя качество и вправду так себе. Размыто все, расплывчато. Только и можно понять, что голова стоит на пеньке.

— И кто это?

— Это — следователь Селюгин. А это, — Одинцов выложил еще один снимок, тоже с головой, но в совершенно неопознаваемом виде — может, вне снимка она и выглядела не мутным белесым пятном, но очень сомневаюсь, — предположительно Митрофан Музин. Нашли головы близ Бешицка Городенской губернии. Небольшой городок, в целом довольно тихий.

Только головы в лесу попадают. Или это не лес?

— И как... получилось? — Я положила два снимка рядом.

— Лесник отыскал голову. Первую. Вроде бы как пропавшего пару недель тому парня. Голова стояла на пеньке и явно появилась там не медвежьими стараниями. Вот он и сообщил о находке как должно.